

Е Ж Е М Б С Я Ч Н Ы Й
ЖУРНАЛЪ

**ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ
и
ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ**

1914

С.-Пб.

*Клинскій просп., 18, уголъ Серпуховской
Тел. 617-61.*

Николай Клюевъ.

СКРЫТНЫЙ СТИХЪ.

По крешену Бѣлому Царству
Пролегла великая дорога,
Протекла кровавая пучина—
Есть проходъ лихому человѣку,
Что-ль проѣздъ ночному душегубу,
Только нѣту вольнаго проходу
Тихомудру Божью пѣшеходу,—
Какъ ему—Господню—путь засѣчень,
Заваленъ проклятымъ Чернымъ Кам-
немъ.

(Изъ пѣсенъ олонецкихъ скрытнич-
ковъ).

Не осенній листь падья падеть,
Не березовый на земь валится,
Не костеръ въ бору по моховищамъ
Стелеть саваномъ дымы—пѣжегу,—
На Олонъ рѣку, на Сѣкирь гору
Соходилася нища братія.—
Какъ Верижники съ Палеострова,
Возгорѣльщики съ Красной Ягремы,
Солодяжники съ рѣчки Андомы,
Крестоперстники съ Нижней Кудама,
Толоконники съ Ершедами,
Бѣгуны—люди съ Водохлѣбами,
Всяка сборица—Богомольщина.
Становилася нища братія
На великъ камень, со котораго
Бѣлъ плитнякъ плитять на могилища,
Опосля на немъ, внукамъ памятку.
Пишуть теслами годъ родительскій,
Чертять прозвище и изочину,
На суклинъ шербятъ кость Адамову...
Не косачъ въ силкѣ ломить шибанки,
Черный пухъ роня, кровью капая,
Не язвець въ норѣ на полѣсника
Смертнымъ голосомъ кличетъ Ангела,—
Что-ль звѣринаго добра пѣстуна,—
Братья—старища свиховалися,
О булыжину лбами стукнули,—
Уху Спасову вѣстку подали:
„Ты Пречистый Спасъ—Саваоовъ Сынъ,—
Не поставь во грѣхъ воздыханія:
Али мы Тебѣ не служители,
Нишей лѣпоты не рачители,
Не плакиды мы, не радѣльщики,
За крешеный мѣръ не моельщики,
Что нашло на насъ время тѣсное,
Негдѣ нищему куса вымолить,
Малу луковку во отишьи съѣсть?—
Во посадъ иди,—тамъ табашники,
На церковный дворъ,—все шепотники,
Въ поле чистое,—тамъ Желѣзный Змій,
Ко синю морю,—въ морѣ Чудише!

Желѣзнякъ летить, какъ гора валить,
Юдо водное Змю побратень:
У нихъ зракъ—огонь, вздохи—торопы,
Зубъ—литой чугуны, печень мѣдная—
Запропастъ отъ нихъ Божью страннику,
Звѣрю, птичинѣ на убой пойти,
Умною рыбищѣ въ глубину спляснуть!“..
Покуль старища Спасу плакались
На кажину тварь леготашла:
Скокнудъ заюшка изъ подъ кустышка,
Вышелъ журушка изъ болотины,
Выдра съ омота на земь вылѣзла,
Лещъ по заводи пузыри пустилъ,
Ель на маковкѣ крестъ затеплила.
Какъ на озерѣ Пододонница
Зелень кость чеша, гребень выронить,
И пойдетъ стозвонъ по зажоринамъ,
Черезъ гатища, до матерыхъ лудъ,
Гдѣ судьба ему въ прахъ разсыпаться,
Засинѣтъ на днѣ ярымъ жемчугомъ,—
Такъ моельщикамъ Гласъ почувался:
„Погублю Умъ Зла Я Умомъ Любви,
Положу препонъ силѣ Змиевой,
Прорашу въ аду роши тихія,
По землѣ пушу воды сладкія,
Чтобы демоны съ человѣками
Перстнемъ истины обручилися,
За однимъ столомъ преломляли-бъ хлѣбъ,
И съ однѣхъ древесъ плодъ вкушали-бы...“
Старцы Голосу поклонилися,
Обоюдный трудъ взяли въ розмысль:
Отшатиться имъ на крешену Русь,—
По лугамъ иди—муравы не мять,
Во лѣса ступить—звѣрю миръ нести,
Не держать огня, трута съ плоткою,
Что ль того ножа подорожнаго,
Когда Гремь гремитъ, Торопъ съ Вихоремъ,
Въ грозовомъ бою домятъ палицы,
Норовятъ сконать Птицу-Фіюса,
Вьюжный пухъ съ нея снѣгомъ выперхатъ,
Кровь зарѣ отдать, гребень сполоху,
А посмертный грай волку сѣрому,—
Втымежь пахарю тайнъ не сказывать.
Имъ тогда вести рѣчи вѣшія,
Когда солнышко засутемится,
И черница—темь сядетъ съ пальцами
Подъ оконце шить златны въздухи,—
Чтобъ въ простыхъ словахъ бранный громъ
гремѣлъ,
Въ малыхъ присловьяхъ буря чуялась,
Въ послѣсловіи-жъ клетоть коршуна,
Какъ душа въ груди. ясно слышался,
Чтобъ позналась мочь несусвѣтная,
Задолѣло-бы гору въ пястку взять,
Сокрушить ее, какъ соломину.